

Л.А. Абрамян, Г.А. Шагоян

ДИНАМИКА ПРАЗДНИКА: СТРУКТУРА, ГИПЕРСТРУКТУРА, АНТИСТРУКТУРА

В любом обществе праздник представляет собой (если мы воспользуемся известной терминологией Виктора Тэрнера) некую антиструктуру, противопоставленную структуре обыденной жизни¹. Или (пользуясь другой, не менее известной терминологией) Космос обыденной жизни ввергается в Хаос праздника². В этом плане основной праздник советского общества, седьмое ноября, на первый взгляд являет собой картину совсем иного рода. Вместо привычной антиструктуры мы видим здесь некую гиперструктуру (или сверхструктуру): действительно, праздничный парад и демонстрация – это как бы сверхсжатая модель советского общества с его делением на армию, трудящихся, в свою очередь разбитых на рабочих, колхозников, работников умственного труда. Каждая колонна, проходившая перед трибуной, старалась наиболее емко и помпезно продемонстрировать место и основные достижения отрасли, которую она представляла, состязаясь с другими подобными ей колоннами. Разные части праздничной демонстрации были структурированы в различной степени – от наиболее жесткой структуры военного парада и колонн физкультурников до более свободной организации колонн трудящихся, проходивших мимо трибуны вольным шагом. Впрочем, здесь структура тоже была достаточно жесткой, так как каждая колонна имела свой гиперструктурированный центр – символическую конструкцию, нередко увенчанную застывшей живой картинкой, копировавшей, как правило, тот или иной памятник, ставший символом советского строя. Даже «вольный» танец работников культуры перед трибуной, на мгновение вроде бы разрушавший строгую процессию, на деле воссоздавал структуру многонационального государства через национальные танцы титульных народов Советского Союза. Хотя до финального кульминационного и наиболее структурированного марша перед трибуной народ и мог позволить себе некоторую праздничную расслабленность, не выходя за слегка размытые границы своей колонны, однако праздничной антиструктурой назвать это никак нельзя. Тем не менее такая антиструктура все же появлялась, но после официальной части праздника, после того, как праздничная атрибутика – знамена, флажки, транспаранты, портреты вождей и бутафорные макеты-символы разбирали и развозили по своим учреждениям. В иных случаях эти макеты были столь громоздкими и прочными, что возникали проблемы с их разборкой. Например, громадную модель крейсера «Аврора», сооруженную по случаю ноябрьского парада в Ереване в конце 1970-х годов, пришлось сжечь через пару дней после праздника³. Эта акция не имела ничего общего с сожжением масленичных символов во время масленицы – яркого примера карнавальной антиструктуры (о ней мы еще будем говорить ниже), и ее трудно было бы представить, например, в Москве, где отношение к революционным символам было гораздо более благоговейным.

Вместе с атрибутикой уходила и напряженность торжественного шествия. Строго организованные колонны тут же распались на мелкие группы и на отдельных людей, в целом образующих хаотическую массу, которая вступала в состояние, осторожно именовавшееся властями «народным гуляньем». Именно это состояние и представляло собой антиструктурную неофициальную часть советского праздника. Таким образом, советский праздник тоже подчинялся общему правилу перехода структуры в антиструктуру, Космоса в Хаос. Однако если в традиционном обществе после праздничной антиструктуры восстанавливается прежняя структура, более того, старый Космос сменяется после праздничного Хаоса таким же, но обновленным Космосом, то в советском обществе с его искусственной структурой не было гаран-

тии, что после праздничного Хаоса вновь вернется советский Космос. Видимо, поэтому здесь всеми силами пытались избежать опасной праздничной антиструктуры, противопоставляя ей еще более выраженную и мощную, чем в обычное время, структуру общества, которую мы по этой причине и назвали гиперструктурой (сверхструктурой). Страх перед неуправляемой антиструктурой был столь велик, что власти старались не допустить, чтобы праздники длились более трех дней, когда календарь создавал такую возможность, перенося выходные дни на другие дни недели (к этому добавлялись и соображения экономической целесообразности). В России борьба с неофициальным праздником была оправдана еще и тем, что его антиструктура усугублялась также и массовым пьянством, в которое нередко выливались народные гулянья. Таким образом, советский праздник можно схематически описать как последовательную цепь переходов «структура – гиперструктура – антиструктура – структура».

Подобно тому, как в советском празднике слишком сильно выраженная гиперструктура не позволяла разглядеть антиструктуру, так и во многих традиционных праздниках, наоборот, столь же сильно выраженная антиструктура не позволяет различить сверхструктуру. Но, чтобы лучше понять природу этой последней, следует внимательнее присмотреться к вроде бы достаточно хорошо изученной антиструктуре, или праздничному хаосу. Прежде всего следует отметить, что этот хаос сотворен людьми, он искусствен, окултурен. Стало уже общим местом (мы тоже начали свою статью с этих слов), что Космос обыденной жизни ввергается в Хаос праздника. Что такое Космос и как он устроен, при всех своих неясностях тем не менее кажется вопросом достаточно понятным – в любом случае каждое общество имеет ту или иную картину своей организации. Точно так же каждое общество имеет соответствующую картину дезорганизации – свою особую картину Хаоса. Иными словами, зная, какова структура данного Космоса, можно предугадать, каким будет его Хаос. Правда, в образ этого Хаоса часто примешиваются образы природных хаосов, которыми изобилует история человечества – потопа, землетрясения, пожары, эпидемии и т.п. К классу природных хаосов можно причислить и частые, если не непременно, прорывы природного начала человека во время периодических праздников, которые сами, возможно, являются окултуренным наследием дочеловеческого хаотического первопраздника⁴. Более того, не исключена возможность, что большинство образов ритуально-мифологического Хаоса являются культурным осмыслением этого предкультурного по своему происхождению явления, без которого не может обойтись ни одно общество⁵.

Одним из самых известных культурных способов организации праздничного хаоса является инверсия основной оппозиции общества. Яркий пример такого хаоса – средневековый карнавал, который был блестяще исследован М.М. Бахтиным именно в этом плане⁶. Основная оппозиция европейского средневекового общества – вертикальная оппозиция иерархического верха и низа, поэтому карнавальный Хаос здесь – это тот же мир, только перевернутый с ног на голову. Такая перевернутая картина мира принципиально смешна. Вообще всякое неожиданное изменение привычного вызывает смех; собственно, это и есть общая основа юмора. В данном же случае мы имеем дело больше с сатирой – типом юмора, связанным с высмеиванием социальных явлений разного рода, так как карнавальная инверсия как раз затрагивает в первую очередь область социального. Часто карнавальный хаос толкуют именно как некую «сатирическую» революцию, во время которой социальные низы вдоволь насмеются над угнетающими их в каждодневной жизни верхами. Однако, следуя логике инверсионного построения праздничного Хаоса, его сатирическая природа оказывается скорее побочным продуктом инверсии, чем ее главной целью. При этом участники карнавала смеются, а смех – тоже побочный продукт инверсии. Однако этот побочный продукт нередко становится одной из главных движущих сил хаотического праздника, оказываясь действенным орудием для усиления его антиструктуры, разрушая уже ту «сатирическую» перевернутую картину мира, которая и есть

карнавалный Хаос. Смех как эмоциональный выход накопившегося напряжения может даже выйти за рамки, определяющие смех как культурный (человеческий), так и докультурный (дочеловеческий) феномен⁷. Иными словами, окультуренный Хаос как бы возвращает свои природные черты.

Хорошей иллюстрацией сказанного может служить армянское масленичное представление «Хан-Паша»⁸. Главный персонаж здесь – властелин: хан, судья, деревенский старшина, а также их прислужники. Тот, кто в обыденной жизни стоит надо всеми и одет в дорогие и престижные одежды, на время карнавального представления надевает рванье, специально вываленное в саже или навозе, на голову вместо короны или тюрбана – тыкву, старый котелок или сковороду. Вместо царской чаши ему подают собачью миску, вместо чернильницы – ночной горшок, вместо коня – осла, да и того задом наперед. Этот карнавалный владыка вершит несправедливый суд, требует непомерной подати, угрожает сжечь деревню, увести в плен всех женщин, ограбить церкви. Все эти угрозы фарсово приводятся в действие.

Кульминация представления – «восстание народа». Над карнавальными представителями верховной власти издеваются, от слов переходят к делу – побоям. Иной раз им сильно достается. Срывают, сжигают или бросают в воду инсигнии власти, искусственную бороду, маску. В заключение устраивают общий пир, к которому присоединяется недавний паша, освободившийся от карнавальной одежды. В армянской традиции нет масленичных чучел – символов зимы, которые в других странах сжигают в конце праздника. Здесь тоже, как говорилось, уничтожаются, часто сжигаются символы недобрых сил. Но показательно, что если в иных традициях сжигаемое в день Масленицы олицетворяет злые силы Природы, то в армянской традиции – иноземных поработителей. Горькая память о них столь велика у народа, что они успешно заменили деструктивные силы Природы. Само название игры (Хан-Паша) и главных персонажей этого и сходных карнавалных представлений (Араб, Турок, Курд, Татарин) говорят об этом⁹.

Нетрудно догадаться, какое место занимает в этом представлении смех. Действительно, В. Бдоян, собравший описания игры, не раз говорит о смехе зрителей, а один раз даже отмечает, что они «чуть не умерли со смеху»¹⁰. Однако в кульминации представления скорее всего уже не до смеха. Эмоции настолько сильны, что зрители от ругательства и смеха переходят уже к деструктивному действию, которое уничтожает саму карнавальную модель армянской истории.

Можно заключить, что рассматриваемый тип Хаоса, получаемый путем карнавальной инверсии, парадоксальным образом содержит в себе и структуру Космоса, правда, представленную с обратным знаком. Стоит только празднику завершиться, как его антиструктура вновь становится знакомой структурой, для этого достаточно сделать еще одну инверсию. Можно сказать, что здесь антиструктура и гиперструктура выступают в одном лице. Если в советском параде гипертрофированную модель общества нужно было специально конструировать, чтобы магическим образом гарантировать возвращение советского Космоса после его неминуемого распада во время антиструктуры неофициальной части праздника, то в карнавале не было нужды опасаться, что привычный Космос не восстановится, так как его модель была автоматически заложена в самой антиструктуре народного праздника.

Есть еще один тип Хаоса, который создается по логике символической революции представления «Хан-Паша» – это Хаос уже настоящей революции, который, в противоположность советскому празднику, стремится до основания уничтожить структуру предыдущего Космоса (или строя, следуя марксистской терминологии), чтобы он не смог бы проявиться в новом Космосе. Можно сказать, что если советский праздник, как мы уже отметили, избегал антиструктуры и делал упор на гиперструктуру, то «праздник» революции, наоборот, всячески избегает гиперструктуры, стремясь уничтожить старый Космос в хаосе антиструктуры. Именно этот тип Хаоса был использован большевиками для революционного прихода к власти¹¹. Элементы карнавального переворачивания-развенчивания можно отметить и в революционном

Хаосе: достаточно сравнить плакатное искусство этого периода¹², лозунги типа «Кто был никем, тот станет всем», ленинскую кухарку, которая могла управлять государством, и т.п. Однако если в «празднике» революции царь развенчивался по законам карнавального переворачивания, суть заключалась в том, что он был уничтожен на самом деле, причем со всей семьей, чтобы от старого Космоса не осталось ничего, потенциально способного развиваться в новый Космос.

Отметим еще один тип праздничного хаоса, более характерного для архаичных («первобытных») обществ. В отличие от второго типа хаоса, который мы условно назвали карнавальным, и который строится главным образом при помощи инверсии верха и низа (основной оппозиции средневекового общества), первобытный хаос создается путем изменения сразу нескольких оппозиций архаичного общества. Это и уже знакомая нам инверсия¹³, и ослабление¹⁴ и вообще снятие той или иной оппозиции¹⁵. Как видим, этот тип праздничного хаоса более соответствует обычному понятию хаоса, истинной антиструктуре.

Но этот первобытный хаос соответствует, как правило, заключительной, самой эмоциональной части архаического праздника¹⁶, на первую же его часть приходится наиболее торжественные ритуалы. Часто только эта часть праздника удостоивается внимания исследователей (вспомним игнорирование антиструктурных народных гуляний советского праздника). Эта торжественная первая часть обычно представляет собой воссоздание Начала данного общества, т.е. перед тем, как погрузиться в хаос заключительной части, в первобытных обществах воссоздается не сверхструктура обыденного Космоса, как в советском параде, а модель священного Прецедента, предвосхищающего сегодняшнее общество. Впрочем, и советский парад обращен к начальным временам, недаром он наиболее пышно проводился 7-го ноября, в день Начала советского общества, а одной из важных и неперенных тем, обыгрывавшихся демонстрантами, являлась актуализация Октябрьской революции, с первых же лет празднования Октября получившей статус священного Первособытия, – вспомним хотя бы упоминавшийся по другому поводу гигантский макет крейсера «Аврора». Здесь нам важно подчеркнуть, что обе гиперструктуры как в советском, так и в первобытном празднике конструируются п е р е д хаотической завершающей частью праздника.

Кроме приведенных «культурных», т. е. искусственно сконструированных хаосов, существует в культуре и такой тип хаоса, который соответствует наблюдаемому в природе, поэтому мы назовем его «естественным». Этот тип хаоса стал основным предметом изучения синергетики, отрасли знания, которая занимается хаосологией – структурой хаоса и динамикой его развития в порядок¹⁷. Несколько схематизируя эти сложные процессы, можно сказать, что на определенной фазе хаоса возникает множество случайных микроструктур, каждая из которых может определить будущую макроструктуру¹⁸. В случае праздничного хаоса подобные случайные микроструктуры могут привести к новому Космосу послепраздничной жизни. Так, общества «меняющегося» типа, выделенные Н. Росс Крумрином на примере общества современных майя бассейна реки Сонора, подпадают под описанный выше механизм: небольшие структурные изменения, происходящие во время праздника, остаются и в послепраздничной структуре общества¹⁹. Другой пример: бурные массовые демонстрации и митинги в 1988 г. в Ереване, которые по многим признакам соотносятся с архаическим праздником²⁰. Их можно представить в виде спутанного клубка, в который были свернуты все осуществившиеся или не до конца развернувшиеся после «праздника» социальные изменения. В зависимости от внешних условий из этого начального клубка могла быть с успехом вытянута та или иная «нить»²¹.

Кстати, синергетический подход помогает лучше понять и особенности карнавального хаоса. Структура иерархического общества (с обратным знаком) столь прочно организует здесь праздничный хаос, что не дает возможности никакой иной случайной микроструктуре взять на себя роль кристалла, на котором вырос бы новый Космос средневекового общества²².

«Естественный» же хаос возникает в целом неожиданно и самопроизвольно, поэтому он не окультурен, подобно традиционному периодичному праздничному хаосу. Конечно, в этом «естественном» хаосе можно выявить много «культурных» черт (подобно тому, как в «культурном» хаосе мы обнаружили островки эмоционального «природного» хаоса), например элементы карнавального хаоса со своими неизменными инверсиями высокого и низкого²³, или ритуальный возврат к Прецеденту, присущий тем праздникам, которые заканчивались первобытным хаосом²⁴. Чего, однако, нет в «естественном» хаосе, так это предваряющей его гиперструктуры.

Праздничный хаос нередко имеет свой образ, метафору. Особенно это присуще карнавальному хаосу. Мы уже говорили, что смех, важная движущая сила карнавала, возникает как побочный продукт инверсии – механизма создания хаоса. Инверсия вызывает к жизни и другие, не менее важные карнавальные реалии. Будучи перевернутым миром людей, карнавальный хаос получает качества иного, потустороннего мира, который во многих культурах, и особенно в европейской средневековой культуре, представляется как зеркальное отображение этого мира, поэтому среди карнавальных образов мы постоянно встречаем представителей потустороннего мира – разную нежить вплоть до дьявола и «стариков» – духов предков²⁵.

Животные, неизменные участники любого карнавала, как настоящие (например, дрессированные медведи), так и представляемые замаскированными людьми, тоже из другого, нечеловеческого мира. Все эти гости из иного мира как бы притягиваются карнавалом. Они по своей природе страшные, но, попав в карнавал, становятся смешными: медведь ведет себя как человек, а люди в масках комически имитируют животных. Но можно сказать, что они смешны не столько потому, что инвертированы, сколько для того, чтобы не быть страшными. На это указывает также и то, что «старики» и «нежить» тоже наделены комическими чертами, хотя они и не построены по принципу инверсии. Таким образом, преисподняя становится одной из метафор карнавала²⁶, а погребальные дроги, сани или ладья превращаются в распространенный атрибут масленичного поезда²⁷.

Как видим, праздничный хаос, который определяют общим понятием «антиструктура», обычно проявляется настолько красочно и ярко, как, например, в карнавале, что мы нередко упускаем из виду гиперструктуру, которая в той или иной форме предшествует ей. Собственно, эта гиперструктура всем хорошо известна – это Масленица, которая представляет собой олицетворение прошедшего года. Причем это символ не всего плохого, что было в прошлом году, как можно было бы думать, а всего пережитого, изношенного и постаревшего, как сам старый год. Так, масленичное чучело делают из соломы – остатков бывших злаков, а костер, на котором его сжигают или который сам замещает Масленицу, сооружают, кроме соломы, из старых вещей, взятых из *к а ж д о г о* дома²⁸, таким образом, Масленица служит сжатым образом мира, его моделью. Но этот аспект Масленицы для участников обряда, видимо, заслоняется другими гротескными карнавальными фигурами, которые олицетворяют Зло, прежде всего Зиму, так как одну из главных тем Масленицы составляет празднование победы над деструктивной зимней стужей, олицетворения которой свирепо и радостно уничтожаются²⁹. Поэтому Масленица, эта гиперструктура Космоса, которую тоже сжигают, раздирают на части или топят в воде, может быть ошибочно принята за некий образ Хаоса. (Это не значит, конечно, что подобных олицетворений Хаоса вообще нет, наоборот, как мы вскоре увидим, они хорошо известны, но важную роль они играют прежде всего в мифе, например в виде драконов-*вишапов* и прочих существ, грозящих Космосу.) В результате в празднике Масленицы мы больше обращаем внимание на проводы, на уничтожение гиперструктуры Космоса в кульминационном конце карнавала, а не на начало его (момент не менее важный), когда эта гиперструктура сооружается или акцентируется ее *в с т р е ч а* (ср. специальные обряды встречи Масленицы³⁰). Таким образом, в целом антиструктурный карнавал тоже в известном смысле начинается с гиперструктуры.

Как мы уже отметили, за Масленицей, которая была по сути весенним праздником Нового года, закрепился в большей степени образ уходящей Зимы, а не прошедшего года в целом. Бывали случаи, когда Новый год переносили в другие сезоны, и тогда образ Зимы, естественно, терялся или переосмыслялся³¹. Так случилось, например, с армянским праздником Аманором, справляемым ныне первого января³². Он не впитал в себя не только образы, связанные с уходящей зимой, но и хаотический карнавал Барекендана. Какие-то черты весеннего карнавала Аманор все же сохранил, например, обходы домов колядующими детьми, но явно выраженного праздничного хаоса он все же не имеет. Тем не менее ни один современный новогодний праздник не обходится без какого-нибудь костюмированного бала-маскарада, хотя бы на уровне детского утренника. Недаром неперменной «ритуальной» составной частью Нового года любой советской, в том числе и армянской, семьи стал фильм «Карнавальная ночь», который вот уже несколько десятилетий практически в каждую новогоднюю ночь или первые дни нового года демонстрируют по общесоюзному или какому-нибудь местному телеканалу. Правда, в последние годы с ним конкурирует другой фильм Эльдара Рязанова, «С легким паром», порой вытесняющий «Карнавальную ночь» на второстепенные каналы. Однако и этот фильм как нельзя лучше подходит для новогодней ночи: комические перестановки действующих лиц оказываются здесь возможными лишь благодаря полной неразличимости жилых кварталов, т. е. энтропийному максимуму, типичному для антиструктуры истинно хаотического праздника; к тому же этот праздник идет под знаком алкогольного опьянения (вспомним пьяную антиструктуру народных гуляний в советское время, как, впрочем, и в старой России); наконец, герой теряет свою подругу в результате новогоднего хаоса, чтобы приобрести еще лучшую.

Зимний новогодний праздник, в отличие от весеннего, становится в большей степени семейным, чем общественным праздником. Вообще следует отметить, что семейный праздник часто выполняет роль некоего «отстойника», в котором пребывают исторически более древние этнографические реалии.

Хотя зимний новогодний праздник не сохранил карнавального хаоса в своей структуре, он несет саму идею хаоса. В Масленице, как в основном празднике, циклически отмечающем смену старого года новым, эта смена знаменуется карнавальным хаосом – вспомним, как уничтожается Масленица, модель прошедшего года. Но этот хаос, по большому счету, создается автоматически, и не только из-за пограничной ситуации смены года. Периодический праздник, как мы уже отмечали по другому поводу, – наследие весьма древних времен, возможно, более древних, чем категория времени. Более того, можно сказать вслед за Э. Личем, что циклический хаотический праздник сам создает время³³, можно сказать также, что время стало еще одним побочным продуктом хаотического праздника.

Хаос, абстрагированный от хаотического праздника, уже не несет в себе смешных черт карнавала. Теперь это хаос только разрушительный и страшный, он грозит Космосу антиструктурой без какой-либо гарантии восстановления прежней структуры. С психологической точки зрения, тревожные чувства, в том числе эсхатологического характера, – результат накопившегося напряжения, которое требует эмоциональной разрядки. Праздник, точнее, его хаотическая антиструктурная часть, в числе прочих функций выполняет и эту³⁴. Другой способ выведения накопившегося напряжения – ритуал³⁵. Будучи тесно взаимосвязанными (ни один праздник не обходится без ритуалов) и, по-видимому, имеющими в своих корнях проявления (хотя и различные) переадресованной активности³⁶, эти два важнейших понятия тем не менее во многом противоположны, хотя бы потому, что, используя категории, которые мы вывели в подзаголовок настоящей статьи, ритуал тяготеет к гиперструктуре, а праздник – к антиструктуре. В этом плане празднование Нового года, лишившись антиструктуры праздника, стало больше акцентировать внимание на ритуале, который теперь направлен на то, чтобы предотвратить г р о з я щ и й миру хаос³⁷, а не на то, чтобы как-то воздействовать на н е м и н у е м ы й хаос праздника.

Один класс подобных ритуалов имеет дело с символическими воплощениями Хаоса и направлен на героическую борьбу с ними, причем ритуал в таких случаях, как правило, является отражением мифа. Яркий пример такого ритуала (вместе с соответствующим мифом) приводит Хоренаци: кузнецы бьют по наковальне, чтобы укрепить постоянно истончающиеся цепи, в которые закован принц-вишاپ Артавазд. Артавазд – типичная персонификация Хаоса, поскольку считалось, что его освобождение из оков должно привести к гибели мира³⁸.

Здесь нас больше интересует другой класс ритуалов, которые направлены на создание того, что мы ранее назвали гиперструктурой Космоса. Хаос в этих случаях иногда (как и в легенде об Артавазде) лишь воображаемый, предполагаемый. Например, это можно сказать об армянском гадании в новогоднюю ночь о будущем годе по ритуальным печеням. Хозяйка дома лепит из теста фигурки, изображающие или символизирующие домочадцев, скотину, хозяйство – весь окружающий мир вплоть до небесного свода и светил. Если печеня поднимались и румянились, то их прообразам это сулило удачный год, если же они получались не совсем удачными или, не дай Бог, скорезживались либо обгорали, то будущий год мог оказаться для них роковым: не поднявшееся печенье в виде «кошелька», символа торговца, было знаком скорого обеднения, испорченная «звезда» означала плохую судьбу, а обгоревший «небосвод» предсказывал войну. Хотя этот ритуал по своему прямому назначению был гадательным, но по сути он воссоздавал модель Космоса со всеми его элементами³⁹. Если учитывать универсальное представление о Хаосе, грозящем миру на стыке Старого и Нового года⁴⁰, то наша хозяйка-демиург при помощи печеня воссоздает модель Космоса, которая вскоре «рушится» (съедается) за новогодним столом. Получается, что абстрактный хаос космического порядка реализуется на уровне кулинарного кода.

Еще один пример из кулинарного кода – круглая новогодняя гата *тари-гац* («хлеб-год»), представляющая собой вариант армянской *мандалы*. Обычно гата с обрамляющим ее налепленным ободом разделена крестообразно на четыре части, в каждой из которых налеплены или выдавлены небесные символы, подобные уже упомянутым разрозненным элементам мира. В «хлеб-год» клали фасолину, чтобы узнать, кто будет особенно отмечен судьбой в наступающем году. А делили пирог так, чтобы не только всем домочадцам, но и всему миру досталась своя доля. Хотя выпечка и раздел «хлеба-года» тоже воспринимается как обряд гадания о наступающем годе, но форма гаты, символически моделирующая Вселенную, и ее разрушение (раздел и поедание) указывают на то, что здесь мы также скорее имеем дело с созданием гиперструктуры Космоса перед Хаосом. «Хлеб-год» иногда имеет не четырехчастное, а двенадцатичастное строение, то есть акцентируется не пространственный (сезонный), а временной аспект Космоса, недаром в его названии присутствует слово «год». Причем это год прошедший, а не будущий. Об этом говорит логика построения целого ряда гиперструктур, в том числе предновогодних. Например, первый человек страны перед самым наступлением Нового года (мифологически – в самый опасный и ответственный момент) в своем поздравительном выступлении больше места уделяет итогам прошедшего года, строит как бы его сверхсжатую модель. В подобной сверхсжатой форме может моделироваться не отдельный год, а весь временной период от Начала до момента исполнения ритуала. Так построен именинный торт с зажженными по количеству отмечаемых лет свечами – еще один пример из кулинарного кода. Эта модель жизни именинника задувается и «раздирается» на части в кульминации пира. Вспомним также уничтожение Масленицы, вобравшей в себя все п р о ш л о е.

Сходная модель, но в своем социальном аспекте, представлена в традиционном кавказском пире. Расположение за столом сотрапезников и последовательность тостов по сути строят иерархическую гиперструктуру общества, которая к концу пира становится гораздо более демократичной и аморфной, т. е. погружается в своеобразный застольный хаос. В средневековой Армении существовал специальный документ *гаһнамак*, который давал четкую пространственную кодировку иерархии общества – закреплял за каждым участником царского пира определенное место за столом.

Эта строгая иерархия, очевидно, значительно нивелировалась во время заключительной особенно хмельной части пира – *гинарбук*⁴¹.

Еще один вид гиперструктуры Космоса, который строят перед лицом грозящего Хаоса, имеет в своей основе первый акт творения мира в начале времен⁴². Ритуальное повторение первотворения⁴³ создает гиперструктуру Космоса во временном, диахроническом аспекте, поскольку первотворение, как правило, совершалось *п о э т а п н о*. Так строится, например, вербальная модель Космоса в древнеиндийских брахмодьях, которые состоят из вопросов и ответов⁴⁴. Вместе с тем в повторении первотворения неявно присутствует и пространственный, или космологический аспект модели Космоса как результат самого акта творения.

Оба эти аспекта гиперструктуры могут присутствовать одновременно в рамках одного праздника. Мы уже рассматривали пример такого рода – «хлеб-год». Гораздо более наглядно сказанное иллюстрирует современный бразильский карнавал – причудливая трансформация европейской Масленицы⁴⁵. Например, практически во всех темах, которые обыгрывались разными школами самба во время карнавала 1996 г. в Рио-де-Жанейро, присутствовала либо синхронная, либо диахронная модель бразильского общества – так, школа «Unidos do Viradouro» восхваляла каждый штат Бразилии, школа «Portela» акцентировала европейские корни бразильской нации, школа «Unidos da Tijuca» – туземные, а школа «Ilha do Governador» – африканские корни, тогда как школа «Vila Isabel» в форме национальных танцев демонстрировала сразу несколько истоков этнического начала бразильцев. Школа «Beija Flor» под девизом «На заре бразильской нации» обращалось уже к эре первобытных людей и даже динозавров, а школа «Molidade Independense de Padre San Miguel» под девизом истории человеческого познания дошла даже до Адама и Евы и плода их греха – огромных макетов человеческих зародышей, т. е. до филогенеза и онтогенеза человека вообще. Кроме антропологической модели бразильского общества карнавал воссоздавал также ее историческую модель (школа «Imperatriz Leopoldinense»). С последней гиперструктурой можно соотнести осмысление в конце XIX в. праздника Навасард армянами провинции Гохтн как дня поединка Хайка с Бэлом⁴⁶, с которого фактически начинается мифологическая история армянского народа. Показательно, что нынешний праздник Эребуни-Ереван начинается с театрализованного представления, в сжатом виде повествующего об истории Армении – от основания ее столицы до принятия христианства и установления независимости. В плане обсуждаемой в настоящей статье схемы имеет смысл отметить, что праздник Эребуни-Ереван, начинающийся с исторической (диахронической) гиперструктуры, завершается «антиструктурной» дискотеккой на центральной площади.

Мы начали нашу статью с описания гиперструктуры советского праздничного парада 7-го ноября, которая пыталась заменить собой антиструктуру народного праздника. Неудивительно, что в 1988 г. в Армении одной из кульминаций борьбы против советского Космоса стало разрушение антиструктурным «праздником» именно этой гиперструктуры – последнего официального парада 7-го ноября⁴⁷.

Таким образом, подытоживая, можно сказать, что во всех случаях, когда Космос должен погрузиться в «культурный» Хаос, либо в его структуре, либо непосредственно до него непременно создается та или иная гиперструктура Космоса – магический гарант возрождения предыдущего Космоса. Именно поэтому мы никогда не находим такой гиперструктуры в случаях революционного Хаоса. Вспомним, что единственный случай, где мы отметили отсутствие гиперструктур, был синергетический случай «природного» хаоса.

Однако гиперструктуру можно обнаружить и в случаях природного хаоса. Так, клетка перед делением (т.е. перед своей гибелью) «показывает» свою внутриклеточную структуру, невидимую в окуляр микроскопа в другое время. Сходным образом в периоды смут и гражданских войн, т. е. во время политического хаоса, как правило, четко обрисовывается обычно невидимая структура общества. Так в беспокойное для постсоветской Грузии время вдруг проявилась ее сложная этническая структура⁴⁸.

Сходную закономерность можно выявить в самых неожиданных примерах. Так, кризис, часто переживаемый больными перед излечением, можно назвать гиперструктурой болезни перед ее исходом. Утверждают, что перед глазами человека, пребывающего на грани смерти, проносится в сжатом виде вся его жизнь. В индийском предании о кругах жизни подобная «выжимка» прожитой жизни становится как бы программирующей гиперструктурой, которая определяет каждую последующую жизнь человека. Возможно, выявленная закономерность позволит внести новые аспекты и в универсальный принцип умирания и последующего возрождения. Примером к сказанному может служить евангельская иллюстрация этого принципа: «Истинно, истинно говорю вам: если пшеничное зерно, пав в землю, не умрет, то останется одно; а если умрет, то принесет много плода» (Иоанн. 12. 24). Мы часто используем этот образ, не обращая внимания на то, что речь идет об умирании з е р н а – модели, в которой запрограммирована жизнь, способная к возрождению.

В качестве заключения напомним историю Ноева ковчега, пожалуй, самый яркий пример схемы, которую мы предлагаем в данной статье. Перед всемирным потопом, очевидным образом Хаоса, Ной строит ковчег как модель Космоса, в которой мир «запрограммирован» по принципу «от всякой плоти по паре» (Бытие. 6.14-7.9)⁴⁹. Лишь подобное «семья» бывшего Космоса способно выжить в волнах Хаоса, чтобы развернуться в будущий Космос.

Примечания

¹ Тэрнер В. Ритуальный процесс. Структура и антиструктура // Тэрнер В. Символ и ритуал. М., 1983. С. 104–264.

² См., например, работы М. Элиаде.

³ Об этом случае нам любезно рассказала Эмма Петросян.

⁴ Абрамян Л. А. Первобытный праздник и мифология. Ереван, 1983. С. 7.

⁵ Там же. С. 187.

⁶ Бахтин М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М., 1965.

⁷ Козинцев А. Г., Бутовская М. Л. О происхождении юмора // Этнограф. обозрение. 1996. № 1. С. 49–53.

⁸ Бдоян В. Армянские народные игры. Т. I. Ереван, 1963. С. 72–115 (на арм. яз.).

⁹ Píkichian H. Festival and Feast // Armenian Folk Arts, Culture and Identity. Bloomington; Indianapolis, 2001. P. 226.

¹⁰ Бдоян В. Указ. раб. С. 79.

¹¹ Интересно, что иногда структурный «переворот» в праздниках карнавального типа может развиваться в реальный – ср. анализ А. Козна лондонских карнавалов (Cohen A. Masquerade Politics: Explorations in the Structure of Urban Cultural Movements. Oxford; Providence, 1993). В XVII в. представление «Хан-Паша» было, видимо, использовано жителями одного села для реального нападения на несправедливого старосту соседнего села (Бдоян В. Указ. раб. С. 72–73).

¹² См., например: Bonnell V.E. Iconography of Power. Soviet Political Posters under Lenin and Stalin. Berkeley: Los Angeles; London, 1997.

¹³ Например, мужского и женского – см. Абрамян Л. А. Указ. раб. С. 127–128.

¹⁴ Например, у аранда Центральной Австралии в определенный момент праздника мужчинам и женщинам разрешалось вступать в словесное общение, тогда как в иное время это запрещалось (Spencer B., Gillen F. The Native Tribes of Central Australia. L., 1899. P. 375–376).

¹⁵ Например, во время промискуитетных праздников, когда снималась оппозиция между экзогамными группами (Золотарев А. М. Родовой строй и первобытная мифология. М., 1964. С. 43–44).

¹⁶ Абрамян Л. А. Указ. раб. С. 95–109.

¹⁷ Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой. М., 1986.

¹⁸ Режабек У. Я. Перспективы эволюционизма с позиций синергетики // Научная мысль Кавказа. 1995. № 4. С. 45.

¹⁹ Crumrine N. Ross. Ritual Drama and Culture Change // Comparative Studies in Society and History. V. 12. 1970. № 4. P. 361–372.

²⁰ *Abrahamian L.* Archaic Ritual and Theater: From the Ceremonial Glade to Theater Square // *Soviet Anthropology & Archeology*. V. 29. 1990. № 2. P. 45–69; *idem.* Chaos and Cosmos in the Structure of Mass Popular Demonstrations // *Ibid.* P. 70–86; *idem.* The Anthropologist as Shaman: Interpreting Recent Political Events in Armenia // *Beyond Boundaries: Understanding, Translation and Anthropological Discourse*. Oxford; Providence, 1993. P. 100–116.

²¹ См. *Abrahamian L.* Civic Society Born in the Square: The Karabagh Movement in Perspective // *The Making of Nagorno-Karabagh: From Secession to Republic*. Basingstoke. U.K. 2001. P. 116–134.

²² *Топоров В. Н.* О ритуале. Введение в проблематику // Архаический ритуал в фольклорных и раннелитературных памятниках. М., 1988. С. 41. Автор обсуждает «закономерность», заложенную в «случайном» мире типа карнавалов, в контексте более общего противопоставления «законосообразного» и «вероятностного» мира (С. 41–44, 57–59).

²³ Ср. принижение коммунистических правителей и возвышение первоначально социально низких членов комитета «Карабах» в начальный период Карабахского движения.

²⁴ Ср. историческую ориентацию (направленность к истокам нации и государства) многих речей, лозунгов и символической атрибутики ереванских митингов.

²⁵ Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы. Конец XIX – начало XX в. Весенние праздники. М., 1977. С. 55.

²⁶ *Даркевич В. П.* Народная культура средневековья. М., 1988. С. 169–174.

²⁷ *Соколова В. К.* Весенне-летние календарные обряды русских, украинцев и белорусов. XIX – начало XX в. М., 1979. С. 30.

²⁸ Там же. С. 17–30. См. обсуждение Масленицы и сходных пограничных обрядов в плане борьбы старого и нового: *Байбурин А. К.* Ритуал: старое и новое // *Историко-этнографические исследования по фольклору*. М., 1994. С. 35–48.

²⁹ Например, в начале XVI в. в Нюрнберге чучело старухи-зимы служило ядром для огромной пушки (см.: *Даркевич В. П.* Указ. раб. С. 174).

³⁰ *Соколова В. К.* Указ. раб. С. 13, 16.

³¹ Ср., например, образ Деда Мороза, который в контексте зимнего праздника приобрел двойственность (в сказках он и карает и одаривает), а в современном новогоднем празднике все больше тяготеет к образу доброго дарителя.

³² *Одабабян А. А.* Аманор в армянском народном праздничном календаре // *Армянская этнография и фольклор*. Вып. 9. Ереван, 1978. С. 22. По мнению автора, зимний праздник Аманор, летне-осенний Навасард и весенний Барекендан (Масленица) произошли от единого весеннего праздника типа Барекендан.

³³ *Leach E. R.* Rethinking Anthropology. L., 1961. P. 135. Ср. в этом ключе «маскарад календаря» в рамках итальянского карнавала (Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы... С. 18).

³⁴ См., например, *Абрамян Л. А.* Указ. раб. С. 66–68.

³⁵ См. толкование ритуала в подобном психофизиологическом аспекте в книге *Давиденков С. Н.* Эволюционно-генетические проблемы в невропатологии. Л., 1947. С. 138–143.

³⁶ См. о ней, например, *Хайнд Р.* Поведение животных. М., 1975. С. 449–450. Ср. также *Абрамян Л. А.* Указ. раб. С. 67–68.

³⁷ См., например, *Топоров В. Н.* Предыстория литературы у славян. Опыт реконструкции. М., 1998. С. 61.

³⁸ *Мовсес Хоренаци.* История Армении. Тифлис, 1913. С. 83, 176, 180–181, 191–192 (на древнеарм. яз.). Хотя, согласно Хоренаци, этот ритуал совершался каждое воскресенье, однако историограф XII–XIII вв. Вардан сообщает, что аналогичный ритуал совершался в канун Нового года (История, составленная архимандритом Варданом. Венеция, 1862. С. 51 (на древнеарм. яз.). Авторы обязаны этим сведением Г. Петросяну). Новый год в это время справлялся в рамках осеннего праздника Навасард (см. *Одабабян А. А.* Указ. раб. С. 19, 20).

³⁹ О различных аспектах этого гаданья см. *Pikichian H.* Op. cit. P. 222–224.

⁴⁰ *Топоров В. Н.* Предыстория литературы у славян. С. 61.

⁴¹ *Ацуни В.* Застолье и пиры в древней Армении. Венеция, 1912. С. 137–142 (на арм. яз.); см. также *Pikichian H.* Op. cit. P. 230–231 (раздел о царских пирах написан Г. Петросяном).

⁴² Ср. обсуждавшийся ранее священный Прецедент в первобытном празднике как один из типов гиперструктуры.

⁴³ О разных аспектах такого повторения см. прежде всего *Элиаде М.* Миф о вечном возвращении. СПб., 1998. См. также *Топоров В. Н.* О ритуале... С. 15. Ср. Евзлин М. Космогония и ритуал. М., 1993. С. 168–190 (о «реальной» и «ритуальной» космогониях).

⁴⁴ *Елизаренкова Т. Я., Топоров В. Н.* О ведийской загадке типа *brahmodya* // *Паремиологические исследования*. М., 1984. С. 14–46.

⁴⁵ Об истоках и истории бразильского карнавала см. *Moraes E. de.* Historia do Carnaval Carioca. Rio de Janeiro, 1958; *Gardel L. D.* Escolas de Samba. Rio de Janeiro, 1967.

⁴⁶ *Одабабян А. А.* Указ. раб. С. 21.

⁴⁷ Шагоян Г., Абрамян Л. Праздничный парад (структура, сверхструктура, антиструктура) // Культурно-историческое наследие Ширака. Третья республ. науч. конф.: Тез. докл. Гюмри, 1998. С. 49 (на арм. яз.).

⁴⁸ Во времена внешней опасности система, наоборот, стремится нивелировать свою структуру, чтобы более эффективно противостоять силам Хаоса, грозящим извне. Так, во время Второй мировой войны составлявшие Советский Союз народы выступили как единое целое, а по сплоченности грузин вне пределов их родины вряд ли можно было бы судить об этнических проблемах внутри страны.

⁴⁹ Ковчег имеет и другие признаки космической модели. Например, на рельефах из Сан-Шапель в центре ковчега изображена трехъярусная вертикальная конструкция, напоминающая храм Звартноц – см. Марутян А. Звартноц в Ноевом ковчеге // Вопросы изучения армянской народной культуры (культура и язык). Тез. докл. Ереван, 1988. С. 49–51.

L.H. A b r a m i a n, G.H. S h a g o y a n. Festivity dynamics: structure, hyper-structure, anti-structure

Although defined by V. Turner as an anti-structure, any festivity has a specific structure of its own which predetermines in a sense the post-festival state of any society. The article presents a chaosological study in the festivities ranging from the Armenian Berekendan (carnival) and Brazilian carnivals to the Soviet festive demonstrations as well as to the rites and ritual figures of mythology found in relevant borderline situations. Such festive anti-structures are shown to be preceded by the existence of some kinds of societal hyper-structures. Such a regularity is supposed to be present in any system describable in the categories of «structure – anti-structure» or «order – chaos».

© 2002 г., ЭО, № 2

С.В. Соколовский

СТИГМАТЫ АРХАИЗАЦИИ: АНАЛИЗ ПРАЗДНИКА И АНАЛИЗ ТЕКСТА*

Оба автора рецензируемой статьи известны читателям по предыдущим публикациям¹ и рецензиям на их работы, опубликованным на страницах журнала². Их совместная работа представляет собой творческое развитие структуралистского подхода к изучению праздника, основы которого были заложены В. Тэрнером в исследованиях ритуалов ндембу в 1950–1954 гг., их результаты были опубликованы в основном в 1960-х годах.

Исследование праздников и праздничной обрядности всегда оставалось одной из центральных тем журнала – лишь за последние четверть века – с 1975 по 2000 г. – на его страницах было опубликовано почти два десятка статей³ и пять сообщений⁴, посвященных соответствующей проблематике, а также ряд рецензий на научные публикации⁵ и материалы конференций⁶. Рецензируемая работа продолжает традицию этнографического исследования праздника, хотя следует с самого начала отметить, что сама эта исследовательская традиция, если вести речь о ее советских и постсоветских реализациях, остается настолько неоднородной, что возникает сомнение относительно ее единства. Именно поэтому я хотел бы обратиться к некоторым наблюдениям историографического характера, на которые меня натолкнул прежде всего избранный авторами язык анализа.

* Отзыв на статью Л. Абрамяна и Г. Шагоян «Динамика праздника: структура, гиперструктура, антиструктура». Сравнение с другими публикациями о праздниках стало возможным благодаря библиографической базе данных по истории этнографии, созданной при поддержке Research Support Scheme of the Open Society Support Foundation (grant № 1005/2000) в рамках историографического исследовательского проекта «Fin-de-Siecle History of Russian Anthropology and Nationality Policy».